

ЗВАЛИ ЕГО ЭВИЛ

Константин Семёнов



Константин Семёнов

ЗВАЛИ ЕГО
ЭВИЛ

*Посвящается
моим родителям,
тестю, теще, жене, детям*

Возрастная категория: 12+

© Издательство «Планж», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ МОЖНО НЕ ЧИТАТЬ

Здравствуйте. У вас в руках небольшая книга (по сравнению с «Войной и миром» все книги небольшие, что удобно), но автор вовсе не уверен, что вам нужно ее прочесть. Автора всегда учили, что писатель должен нести ответственность перед читателем, но автору этой книги никакой ответственности нести не хочется. Более того, любая ответственность его пугает, потому что автор обременен многочисленной семьей, и если недовольные читатели придут к автору за ответом, то небольшая квартира автора просто не сможет их всех вместить. Да и запас продуктов в холодильнике автора рассчитан строго на три дня питания семьи из пяти человек. Если уставшие от пререканий с автором многочисленные читатели захотят перекусить, это может сильно осложнить дальнейшее жизнеобеспечение семьи автора и подорвать его бюджет. Поэтому автор заранее снимает с себя всякую ответственность за питание читателей. Тут уж сами.

Этой книгой автор не раскрывает каких-либо новых моральных доктрин, горизонтов познания и даже не приводит ни одного мало-мальски достойного кулинарного рецепта. Этого в книге точно нет, автор гарантирует. Он понимает, что это не идет книге на пользу, но сделать с этим ничего не может. Да и вряд ли хочет.

Связанность повествования тоже не является достоинством книги. Но автор все же не до конца уверен, является ли это недостатком книги или ее преимуществом. С одной стороны, наличие прямолинейности сюжета не дало бы читателю возможности отложить книгу на середине. С другой стороны, в нашем случае книгу можно читать с любого места, не особо заботясь о понимании происходящего.

И еще: автор крайне, даже чудовищно, если не сказать преступно, субъективен. Он вообще не берет на себя труд создать хотя бы видимость хотя бы минимально объективного взгляда на описываемые события и людей. Такой подход делает автора еще более виноватым перед читателем, но автор извиняться не будет, потому что человек он несознательный и маловоспитанный.

Особенно автору неудобно перед родственниками и друзьями, которым случайно может попасться на глаза эта книга. Автор, конечно, сделает все возможное, чтобы эта книга им на глаза не попала, но вдруг они найдут ее, скажем, в мусорном ведре, куда ее выкинул другой читатель. Всего не предусмотреть.

Родственники и друзья автора, конечно же, будут искать в этой книге себя. Находить и обижаться. Или не находить, и тоже обижаться. Это естественно, они ведь знают, что фантазия у автора бедная и придумать из головы он ничего не смог бы. Что видит – о том поет, как акын, сидящий на берегу арыка (или наоборот, точно не знаю). При этом они знают, что память у автора плохая, старческие нарушения мозговой деятельности ходят совсем неподалеку от головы автора, поэтому ему приходится придумывать события и людей на ходу.

Столь противоречивые представления родственников и друзей об авторе, думаю, никоим образом родственников и друзей не смутят, потому что родственники и друзья автора – люди широких взглядов. На что автор сильно рассчитывает и надеется.

Автору, конечно, грустно, что он может огорчить родственников и друзей, они все сплошь милые и любимые автором люди. Но тут уж ничего не поделаешь. Мир устроен так, что кто-то все время огорчается, а кто-то в это время веселится. Автор – человек бесчувственный и циничный, и хочет сделать себе счастье на несчастье других.

Засим хотелось бы подытожить. Жизнь человеческая коротка. В ней есть очень много интересных и первостепенных занятий, например полеты в космос, вышивание крестиком и завоевание непокорных народов. Чтение этой книги точно не относится к первостепенным занятиям. К чтению этой книги можно приступать только после того, как все важные дела в жизни переделаны: космос прощально мерцает звездами, покоренные народы стонут под вашей пятой, а ребенок уложен спать.

Но если вдруг такой момент настал, делать вам совсем нечего, и вы решили продолжить чтение, автор весьма этим счастлив. Автору было радостно писать эту книгу, и ему приятно поделиться частичкой своей радости с терпеливым читателем. Потому что разделенная радость – это радость двойная.

ГЛАВА 1

Звали его Эвил. Он был этническим узбеком из Туркмении. Узбек из Туркмении – это не мой оксюморон, это у них там в порядке вещей.

Познакомились мы достаточно романтично: мне нужно было сделать отливы на сарай, но было некому. Отливы – это такая высокотехнологичная штука, которая позволяет на постоянной основе направлять дождевую воду с крыши не тебе за шиворот, а в какое-то совсем другое место (например, за шиворот соседу). Внимательный читатель спросит: ну, раз у тебя есть сарай, есть и дом, так? Тебе же с дома не льется за шиворот, иначе бы ты изнылся, так? Значит, у тебя на доме были отливы? Стояли отливы, не отпирайся. Так кто-то же их тебе поставил, так? Ну и обратился бы к нему, что ты нам пудришь мозг, нечестивец?!

Да, дорогой мой въедливый читатель, так. Ты прав, конечно. Но ты, сам того не зная, неосторожно наступил на душевную мою мозоль под названием «специалист по установке отливов по имени Александр».

Специалист по установке отливов Александр, как рекомендовали его в фирме, где я купил сами отливы, после моего звонка появился практически мгновенно, всего лишь через неделю. Александр был рыж, широкоплеч и имел мечтательный взгляд юнги со шхуны дальнего плавания. Пахло от Александра песнями под гитару, туманом и другими запахами тайги. Машина специалиста вызвала удивление, переходящее в немое восхищение, перед ее возможностью в столь преклонном возрасте передвигаться самостоятельно.

Александр получил деньги на сопутствующие материалы и пропал. Через четыре дня он позвонил и голосом, ясным от похмельной зыбкости бытия, извинился, пообещав приехать «завтра».

Назавтра Александр действительно приехал, вылез из машины-ветерана, сказал «добрый день» и больше уже не переставал говорить никогда. Ну, то есть разговор Александра прекращался с отбытием самого Александра для ночного сна.

Работы с отливами было часа на четыре, поэтому Александр делал ее неделю, приезжая достаточно рано и уезжая поздно. При этом он ни секунды не бездействовал. Просто специалист по установке отливов не мог совершить какое-то действие, например, установить отлив, не обсудив в подробностях это действие с прячущимся на участке, но найденным мной, причем как до, так и после действия. Комментарии к установке отлива плавно и естественно перетекали в краткий обзор дороговизны предметов первой необходимости, обсуждение вопросов независимости Конго, а также тонких особенностей бальзамирования древнеегипетских мумий. В какой-то момент прослушивания монолога я понимал, что дальнейшая концентрация на рассказе специалиста может стоить мне покоробленной психики и начинал заниматься своими делами. К чести Александра, как оратора, надо сказать, что его совершенно не волновало, слушаю я его или нет. Ему был важен процесс звукоизвлечения, полет вдохновения и колебания высших сфер.

Но Конго было уже потом. Сначала, конечно, раза четыре Александр в мельчайших подробностях осветил более животрепещущую для него проблематику,

а именно свой жизненный путь. Я радовался только тому, что Александру было совсем немного лет, потому что, если бы жизненный путь Александра оказался длиннее, отливы бы мы ставили до настоящего дня.

Жизненный путь Александра был тернист и скорбен. У него была своя фирма, капитализация которой, судя по смутным намекам и туманным недоговоренностям, находилась где-то между капитализацией «Газпрома» и Apple. Фирма занималась... Я так и не понял, чем занималась фирма Александра, потому что это было единственное, о чем Александр не говорил вообще. Просто в какой-то момент я понял, что это не важно. Капитализация хорошая, ну и ладно. Может, они экзорцизмом занимались, и об этом нельзя рассказывать.

Однажды Александру, по его словам, в фирме «надоело». Ему захотелось свободы и отливов. Меня это не удивило, потому что подобные истории в жизни я уже слышал.

Один таксист, который вез нас из аэропорта по ночному Питеру со скоростью 218 км/час, повернувшись к нам и не глядя на дорогу, рассказывал, как работал у одного предпринимателя личным шофером. Ему платили две тысячи баксов (от страха скорости я тогда подумал, что в день, мне было все равно). При этом таксист практически все время сидел в офисе и играл на компьютере. Но потом ему все это надоело, потому что он ценит свободу, и он ушел в такси. Мы, конечно, поверили и энергично закивали головами, потому что это был единственный способ переключить внимание таксиста на дорогу. Тогда обошлось, хотя мы доехали от аэропорта до дома за семнадцать минут. И это притом, что у меня самого даже

ранним утром, без машин, меньше тридцати минут никогда не получалось.

Так что, подготовленный подобными жизненными историями, Александру я поверил сразу и безоговорочно. Понятно же – надоело. Как может не надоест куча денег, возможностей и прочей шелухи! В общем, Александр все бросил и ушел на «вольные хлеба».

Единственным, но эпохальным проектом «специалиста по установке отливов» на вольных хлебах явилась обшивка сайдингом какого-то дачного дома. Учитывая скорость работы Александра, меня удивило лишь то, что эту работу он все-таки закончил. Работой Александр гордился, показывал фотографии и всячески давал понять, что все, что вы видите вокруг, обшитое сайдингом не Александром, априори является недостойной поделкой, самодеятельностью и моветоном. Я усиленно кивал, надеясь, что удовлетворенный специалист перейдет к отливам, и концу дня у меня от интенсивных кивков болела шея.

Временами мне на смену приезжал мой папа, человек значительно более мягкий и интеллигентный, чем я. К тому же он был значительно старше и мудрее меня, а значит, терпимее. Александр чувствовал это, как лошадь чувствует, что наездник забыл сегодня дома шпоры, и переставал заниматься отливами вообще, целиком поглощенный оттачиванием на папе своего ораторского мастерства. Когда я возвращался, папа с излишней поспешностью и немой благодарностью в глазах покидал нас, а я несколькими жесткими болевыми приемами, эм... просьбами поторопиться включал остатки Александровой рабочей совести. Помогало ненадолго, но помогало.

Но все, даже самое хорошее, когда-то кончается. Так, наверное, и царь Соломон, когда делал золотые отливы у себя во дворце, смотрел на свое знаменитое кольцо с надписью «Все проходит» и терпел, терпел, терпел...

В один прекрасный день Александр, с лицом, полным великого сожаления, прикрепил последний изгиб трубы, поведал мне в течение полутора часов о свойствах и назначении клея, соединяющего трубные части, и засобиравшись домой. По-видимому, я не смог скрыть своей радости, потому что Александр с сомнением посмотрел на меня, на трубу, прищурился и пообещал:

– Я приеду через полгода, проверю, как отливы стоят. Я ведь не такой, как некоторые, которым лишь бы поставить и все. Профессиональный подход заключается в проверке того, что ты сделал. Дом, который я обшивал сайдингом, я посещал уже три раза.

Теперь, друзья мои, для тех, кто не до конца понимает, что такое отливы: это пластиковый желоб, собирающий воду с крыши, и пластиковые водосточные трубы. Всё. Нет, честно, всё. Работу именно этой сложнейшей системы Александр собрался проверить через полгода.

Мне стало страшно. Я представил себе, как все оставшиеся мне годы жизни пребываю в одном из трех состояний: либо ожидаю прихода Александра, либо беседую с пришедшим Александром, либо отхожу от бесед с Александром. Перспектива такой зрелости и старости не радовала совсем. Ведомый родившимся от таких представлений вдохновением, я горячо заверил специалиста, что в его приезде нет никакой необходимости, ибо профессионализм работы обычно виден сразу и навсегда. Я был очень убедителен: я поднимал голову к небу,

понимающе цокал языком, как лошадиный барышник, нашедший племенного рысака за цену дряхлой клячи, восхищался готичностью изгибов труб и призывал кары небесные на головы нерадивых отливных непрофессионалов. Это была одна из лучших речей, сказанных мной в жизни. Очень хотелось есть и спать.

Наверное, я слегка перегнул палку. Специалист на некоторое время замолчал, что было для него несвойственно, потом посмотрел на меня исподлобья и произнес:

– Тогда я привезу вам кусты клубники.

Тут я понял, что нужно смириться перед неизбежностью. Оставалась только маленькая надежда на то, что полгода – срок большой, а там, как в притче про Ходжу Насреддина, либо ишак сдохнет, либо хан.

Забегая вперед скажу, что в последующий месяц Александр позвонил четыре раза. Это только мне, и три раза – папе. Он по-матерински интересовался нашими делами, делами отливов, ну и вообще, так сказать, новинками мироздания. Последние пару раз я трусливо не взял трубку.

А года через полтора раздался звонок в ворота. Это был он. Мы прослезились, обнялись... точнее, я, закрывая собой проход на участок, сказал, что, честно говоря, очень занят, а с отливами все в порядке настолько, что даже и представить себе сложно, чтобы когда-нибудь на этой грешной Земле все было так хорошо с отливами. Александр погрустнел и предложил купить у него клубники. Клубника была мелкая и полугнилая. Я, удивляясь себе, решительно отказался. Александр совсем погрустнел, сел в машину-ветерана и с неровным тарыхтением скрылся за горизонтом.

Да, прежде чем нам расстаться со специалистом по установке отливов, необходимо уточнить один момент. В самом начале работ Александр пропадал на четыре дня, потому что у него умер отец. Они с отцом не были особенно близки, но это был единственный родной его человек.

Я тогда подумал, что постараюсь в жизни говорить с людьми столько, сколько им надо. Сколько смогу выдержать.

ГЛАВА 2

Итак, я остановился на том, что звали его Эвил. Он был...

Нет, нам все равно придется зайти издалека, иначе, опустив ряд событий, приведших к нашей встрече, мы рискуем потерять мистическую связь, которая... Я не знаю, что «которая». Просто иногда, глядя в свое прошлое, начинаешь понимать, что одно без другого никогда бы не случилось. Скажем, есть у нас кошка. Жена страстно ее любит и называет «заразой». Кошку нам отдала наша бывшая сотрудница. Если бы я не работал с сотрудницей, которая нам кошку отдала, у нас бы этой кошки не было. А с этой сотрудницей я бы не работал, если бы не устроился в ту компанию, в которой мы работали с сотрудницей, которая отдала нам кошку. А в ту компанию я бы не устроился, если бы меня перепутали в роддоме с сыном арабского шейха, который приехал учиться в Ленинградском государственном университете и нашел здесь свою любовь и алименты. И настоящий я сидел бы сейчас во дворце, окруженный наложницами и

лимузинами, подсчитывал бы доход от роста котировок своих компаний и морщил чело в раздумьях о колебаниях рынка недвижимости на Лазурном берегу. Казалось бы, где кошка и где Лазурный берег? А связь, как вы видите, прямая.

Начать хотелось бы, конечно, от Ноя. Это было бы правильно и справедливо. Я как-то внутренне чувствую связь с теми временами, во всяком случае, уверен, мир с тех пор поменялся мало. Но, понимая, что терпение читателя, в отличие от города Москвы, не резиновое, мне придется слегка наступить на горло исторической правде и максимально приблизить повествование к нашему времени.

Правда, начать все равно придется с пояснений, откуда взялся дом с сараем и отливами, где Александр свершал свои трудовые подвиги.

Дача, на которой я провел сознательное детство и бессознательную юность, принадлежала бабушке и дедушке, родителям папы. Дедушка Костя, имя которого я имею честь носить, получил участок от своего завода. Не в смысле своего собственного, а в смысле ставшего ему родным за долгие-долгие годы работы.

В то время мечтой каждого нормального советского человека, даже чуть большей, чем наступление коммунизма, было наличие своих собственных персональных шести соток в садоводстве. Эти шесть соток олицетворяли собой сладостную смесь отвоєванных революцией свободы, равенства и братства с непривычными для советского гражданина элементами частной собственности. И хотя второй этаж в дачном доме строить было нельзя (а вдруг ты его будешь сдавать за деньги?), сажать более определенного количества кустов было нельзя (а вдруг

ты будешь продавать смородину за деньги?), меньше, кстати, тоже нельзя (иначе зачем тебе землю дали?), садоводческая лихорадка охватила страну на долгие годы.

У русских так заведено издревле. Татары их жгли, они строились. Поляки их жгли, они строились. Немцы, французы, всякие другие варвары их жгли, а они опять строились, строились и строились. Это у нас в крови, тут ничего не поделаешь.

Место, где дедушка получил свой надел, носило весьма оригинальное название – Борисова Грива. Не чета всяким там располагавшимся в округе Ириновкам и Романовкам, согласитесь.

Конкурировать с Борисовой Гривой по оригинальности названия мог только расположенный неподалеку поселок с эклектичным названием Рахья, но тут ничего интересного: Рахья был телохранителем Ленина, и вообще финном. А в Финляндии Рахья – что в России Кузнецов, никаких тайн. Это вам не до сих пор загадочные для меня Каукъярви и прочие Раколайнемякки.

Да, поселок назывался Борисова Грива. Особенность у этой местности была одна, но очень яркая. По-видимому, когда Петр Первый осушал болота на месте будущего Петербурга с помощью булыжника и гранита, вся эта болотная вода, по закону сообщающихся сосудов, перетекла напрямую в Борисову Гриву. Больше-то ей деваться было некуда. Тут – Петербург, тут – шведы с турками, тут – Борисова Грива. Путь наименьшего сопротивления понятен.

Принцип «вода дырочку найдет» в Борисовой Гриве постигался в полной мере. Вода владычествовала в этих местах всегда, повсюду и безраздельно. Даже если воды в настоящий момент было не видно, можно было

быть уверенным, что, чуть копнув землю, оттуда забьет источник, по бодрости сравнимый лишь с нефтяными фонтанами богатой Аравийской пустыни.

В канавах вода стояла постоянно, оживотворяя окрестности запахами тины и звуками лягушачьих симфоний. В эти каналы постоянно падали зазевавшиеся собаки и гостившие у нас прилично одетые дети. Сам я туда погружался трижды, два раза – с головой. Самый трагический случай произошел, когда я, засмотревшись на уходящую в светлые дали электричку, вступил обеими ногами в особо тинистую канаву. Возможно, закаленный жизнью в этом суровом климате, я бы и не обратил на такую мелочь никакого внимания, но на ногах у меня были только что купленные в Тбилиси белоснежные кроссовки. Сочетание грузинского качества и ядреной борисогривской воды мгновенно привело кроссовки к виду, который не внушал надежды на их дальнейшую эксплуатацию. Очень долго потом я ходил в этих серых огузках по огороду, вздыхая по их былому великолепию.

О происхождении названия Борисова Грива летописцы этой местности спорят до сих пор. Раньше самым понятным и естественным объяснением мне казалось существование некоего Бориса, который имел большую гриву. Что ж тут непонятного? Но много позже оказалось, что все несколько сложнее. «Гривами» назывались поросшие травой кочки на болоте. И хотя в этом объяснении личность неведомого и таинственного Бориса терялась и тускнела, с возрастом я вынужден был склониться к правоте этой версии. Потому что болота и кочки я видел каждое лето, а никаких гривастых Борисов мне отродясь не попадалось.

Бабушка с дедушкой получили участок сильно позже других садоводов-любителей. Участок был знаменателен тем, что, помимо естественной повсеместной воды, треть участка занимал пруд. Соседи все эти годы не дремали, трудились в поте лица и вывезли с бесхозного надела всю плодородную землю. Так что мечта о собственных огурцах могла так и остаться мечтой.

Вижу перед собой бабушку с дедушкой, в печали стоящих перед прудом.

– Ну что, Валя? – говорит дедушка. – Приобрели мы себе к пенсии порядочный геморрой.

– Зато какой воздух, – отвечает ему бабушка. – Давай, бери лопату с тачкой, в лес пошли.

И они пошли в лес. С тачкой и лопатой. Один раз пошли, другой раз пошли, много раз пошли. И был день, и был вечер. А в лесу был торф. У дедушки была только бабушка, а у бабушки – только дедушка. И не стало пруда. И весь участок сделался всего лишь на полметра ниже остальных. Тебе пою, сила духа человеческого, превозмогающего всё и вся и даже больше всего!

Когда участок практически перестал отличаться от соседних, пришло время строить какое-нибудь жильё. О, благословенное время, когда деньги не значили почти ничего! Родившимся не так давно сложно понять, что в Стране, которой больше нет, за деньги можно было купить очень ограниченный круг вещей, да и те далеко не всегда отличались ежедневной востребованностью. За деньги можно было купить краску, которая начинала отслаиваться через пару недель после старательной покраски. Еще можно было купить резинового ежика с дырочкой в правом боку, толщиной резины сделавшего

бы честь иным автомобильным покрывкам. Еще – пианино «Ростов-на-Дону», внутрь которого надо было ставить банку с водой, чтобы инструмент не рассыхался. Еще клей БФ в маленьких пузырьках (на заводах, где БФ использовался в производстве, похмельные кулибины добывали из него спирт, откручивая на маленьких оборотах сверлильным станком ядовитую клейкую массу). А вот материалов для постройки дома обычному человеку купить за деньги было нельзя.

Для того чтобы заиметь строительные материалы, надо было собрать, как бы сейчас сказали, валютную корзину. В советскую валютную корзину, помимо денег (куда же без них), входили: водка, связи и мелкоуголовые наклоности.

Малую часть материалов можно было действительно купить за деньги. Остальное можно было либо достать по блату, либо украсть. «Товарищ, ты на работе не гость, уходя оттуда – возьми хоть гвоздь» – лозунг, бывший популярным не менее, чем «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Только что на зданиях этот лозунг не вывешивали.

На предприятии, если ты дружил с администрацией, могли выписать досок и гвоздей «на ремонт клуба». А в строительных работах в качестве валюты безраздельно царила водка. Если сейчас кому-то предложить вскопать огород за бутылку водки, он сначала плюнет тебе в лицо, а потом будет бежать за тобой некоторое время, пытаясь плюнуть и на спину тоже. Тогда было не так. Тогда солнце было ярче, а девушки, эм... В общем, нелегкое, но золотое было время.

То, как дедушкой были добыты материалы для домика, скрыто пеленой времен. Уверен, это было нелегко.

Одно могу сказать: дом получился эксклюзивным. В нем не было ни одной похожей доски. Даже по длине, не говоря уж о других характеристиках. Полный хендмейд. Но при этом, вот странность, домик оказался светел и уютен. Сдается мне, материалы решают не все, совсем не все. Тепло дому передается еще каким-то способом, на уже доселе неизвестным.

Дом был живым в прямом смысле этого слова. Он стоял на бетонных столбиках, и вода, которая то прибывала, то убывала, выпирала эти столбики за «здорово живешь», произвольно, неравномерно, сообщая строению непрогнозируемую турбулентность. У домика иногда поднимало углы, иногда – середину пола. Крыльцо жило своей особой, сложной и насыщенной жизнью. Обои никто не переклеивал, потому что их все равно было не купить, и они все равно сразу трескались по углам.

Особой статьей шла крыша. Сначала в ней не было ничего интересного: ну рубероид, ну и что, он только пахнет немного и рак вызывает. А так – черен он и скучен. Зато когда я уже вошел в возраст активной жизнедеятельности, и мы стали жить в Борисовой Гриве летом (дедушка тогда уже умер, Царствие ему Небесное), мой папа решил перекрыть крышу. Она иногда текла.

К вопросу крыши, как и ко всем остальным вопросам, включая мое воспитание, мои родители подошли серьезно. Сразу было решено – жесьть. Не в смысле «жесьть», что все очень плохо, а в том смысле, что крышу надо крыть жесьтью и только ей. Купить жесьть для крыши тогда можно было только в сказке. Но мы же жили в советском государстве! А советское государство в то время решило поменять в Ленинграде водосточные трубы. Новые

блестящие трубы крепились к домам, а старые элементы труб бросались рядом, чтобы потом вывезти на свалку.

И вот, под покровом ночи, мы с папой, как средневековые идальго, крались по улицам Мадрида, эм... Васильевского острова, складывали трубы на санки (была зима, если кто не понял) и везли домой. Там, в нашей маленькой квартире, папа с жутким скрежетом распрямлял трубы в жестяные листы. А жесть была – не чета нынешней, толстая, оцинкованная. И солнце ярче. И девушки... Ну, это вы помните. Далее распрямленные листы клались обратно на санки и везлись в Борисову Гриву. Сначала на трамвае №6. Потом на электричке. Потом пешком по колесу в снегу (была зима, если кто запомнил).

Трубная жесть стоит на крыше до сих пор. Дом тоже стоит до сих пор, греет собой уже совсем других людей и не думает умирать.

Спасибо, бабушка, спасибо, дедушка. Мы не можем теперь так, как вы могли.

ГЛАВА 3

В садоводстве со всех сторон окружало нас общество избраннейшее: сплошь графы, князья, в крайнем случае, какие-нибудь баронеты. Большинство из них работали на Кировском заводе (это он щедро одаривал свои трудяг земельными наделами) и страдали разными степенями хронического алкоголизма. Один из соседей, милейший и добрейший человек, от которого никто никогда не слышал худого слова, раз в год лечился в стационаре от «белой горячки». Остальное время он тихонько возделывал грядки и любил свою разговорчивую жену, которая

общалась с ним исключительно матом, изредка используя, в общем-то, и не нужные для понимания смысла ее речей цензурные слова.

Соседи слева и справа, помимо своего княжеского происхождения, ничем особенным не отличались. Это были нормальные работяги со своими достоинствами и недостатками. Ну да, пили. Бывало, дрались. Между собой, конечно, не вынося, так сказать, сор из избы. Но в остальное время отношения были поистине соседскими: каждый мог рассчитывать на помощь каждого, если это, конечно, не задевало хозяйских интересов.

О четвертых соседях стоит сказать особо.

Во главе семьи стоял, и серьезно так стоял, с кулаком по столу, дед Сергей. В прошлом – фронтовик, коммунист, ударник труда, а ныне – пенсионер, выпивоха и мрачный балагур.

Сам редкий труженик, жену свою, бабу Аню, тетку довольно темную и ленивую, он держал в ежовых рукавицах. Мог отвесить леща. Однажды, традиционно напившись с пенсии до прозрачных соплей, погнался за ней с поленом. Хорошо, мы с его внуком Сережкой, о нем речь дальше, оказались рядом и повисли на руке. Мог зашибить. А внука он никогда не трогал.

Дед Сергей играл на баяне и замечательно пел, нечасто, строго трезвым и только под настроение. Выходил на улицу, ему нужны были слушатели. Соседи прекращали работать, слушали. Иногда аплодировали. Дед Сергей делал вид, что не замечает оваций, пел еще пару песен и уходил в дом.

О его справедливости по садоводству ходили легенды. Он был местной Фемидой, к нему приходили разбирать

самые хитросплетенные конфликты. По судам тогда такаться было не принято. Выслушав обе стороны, он изрекал свое решение. Если кто-то, по его мнению, был неправ, дед Сергей в выражениях не стеснялся, щедро поливая провинившегося трехэтажными амфибрахиями. И, как ни странно, его слушались. Нарушить вынесенное им решение считалось неправильным, невозможным, иначе зачем ходили? Немногих нарушивших и продолжавших гнуть свою линию переставали уважать и разговаривать с ними у магазина.

Мама моя в то время работала на заводе, который выпускал ракеты, но, чтобы ЦРУ не догадалось, производил еще шедевр отечественной электроники под названием «Магнитофон кассетный «Квазар»». «Квазар» был грутально черен, нещадно жевал пленку и вообще временами вел себя, как последний коллаборационист. Но это был настоящий кассетный магнитофон! Вечерами, на пленэре, я с помощью него напрочь разбивал сердца местных игривых сеньорит, а днем, уныло вскапывая по поручению родителей километры грядков, занимался прослушиванием музыкальных новинок. Уже тогда начались брожения умов. Корни народного самосознания еще держались, но в ветвях гулял буйный ветер, и русский рок стал одним из провозвестников будущей катастрофы. Более всего к ненавистному мне процессу земледелия подходили перлы группы «Телевизор» и Миши Борзыкина. «Рыба гниет с головы», «Твой папа – фашист» и прочие милые безобидные песенки рождали во мне нужное для вскопки остервенение.

Как выяснилось, дед Сергей тоже оказался не чужд прекрасного. Однажды он окликнул меня – никаких

заборов между участками не было, максимум пара кустов:

– Костя!

– Да, дед Сергей, – отозвался я, уныло ковыряя землю и прикидывая, как бы мне половчее объяснить родителям, почему садоводство в моем возрасте абсолютно противопоказано.

– Поставь это...

– Чего, дед Сергей?

– Ну, это, где всё критикуют.

– «Телевизор», что ли?

– Какой телевизор, мать твою растак? Песни поставь, где всё критикуют.

– Это группа такая – «Телевизор».

– А, ну, ставь что ли.

И мы слушали русский рок вдвоем, старый и малый. Не знаю уж, какие мысли бродили у него в голове, что ему вспоминалось. Не думаю, что что-то веселое. Потом я пытался приучить его к «Кино», «Аквариуму», «Алисе», но он упорно требовал «где всё критикуют».

Он умер от инфаркта, дед Сергей, когда в очередной раз играл на улице на баяне. Я не был на его похоронах, но, говорят, там было огромное количество народу, включая ветеранов-военных в немалых званиях. На подушечке несли целую коллекцию орденов и медалей. Он их почему-то никогда не надевал дома, дед Сергей.
